

Эдуард ШЕВЕЛЕВ

ВИНА И ПРАВДА УЧИТЕЛЯ ПАМЯТНОВА

авно не было в нашей литературе произведения со столь неожиданным, опаращивающим читателя сюжетом. Похоже, автор и сам немало удивился находке, решив сделать ее не просто основой движения повествования, но и неким публицистическим рефреном, настойчиво повторяемым едва ли не всеми персонажами: «Сын убил отца!» — «Отца!.. Из ружья...» — «Ребята! Колька Корякин... сегодня ночью... убил своего отца!» — «Корякин убит... Ночью. Сыном». — «Дети — отцов! Дети — отцов! Доучили...».

Прозу Владимира Тендрякова всегда отличало жесткое, целеустремленное, незавуалированное побочными ответвлениями построение сюжета. В повести «Расплата» («Новый мир», 1979, № 3) эти качества проявляются, пожалуй, полнее и отчетливее, чем прежде. Сюжет-случай, сюжет-происшествие, сюжет-факт, какой не скоро сыщешь в дебрях уголовной хроники, — он даже не выписан сколько-нибудь подробно, а скорее сообщен читателю, не развивается как действие, а существует сам по себе во всей ужасающей неразгаданности или потом — полуразгаданности.

В статичном, вернее, намеренно статизированном положении происшедшее с каждым последующим обретает все более глубокий и многозначный смысл, становится чем-то наподобие скрытого, не вынесенного к заглавию, но четко уясняемого эпиграфа. Этот новый, широко обобщающий смысл автор намечает точно, избегая чрезмерного сгущения красок, порой умело сдерживая обычно отнюдь не склонное к нарочитому самоограничению перо. Тендрякова почти не занимает, как произошло убийство, ему важно выяснить, почему оно произошло, отчего могло произойти, кто тут виноват и насколько. В этой структурной особенности нетрудно обнаружить основополагающую авторскую установку — за реалиями и подробностями подчеркнута исключительной ситуации выявить круг жгучих общественно-нравственных проблем сегодняшней жизни вообще и проблем воспитания молодежи в частности.

Взаимосвязь, взаимозависимость семьи, школы, производственной среды, этих равновеликих частей современной жизнедеятельности, Тендряков исследует всесторонне, последовательно помечая наиболее существенные «болевые точки», хорошо знакомые нам в обыденности, но вдруг высвеченные наблюдательным взглядом писателя в неожиданном и резком ракурсе.

...Неблагополучная семья Коли, где отец пьет и избивает мать, давно известна школе, учителю Аркадию Кирилловичу Памятнову, который предупредил Корякина-старшего: «Зарубите себе на носу: случится что с вашим сыном, нам даже не придется предъявлять особые доказательства вашей вины. Они слишком очевидны, так что — берегитесь!». Однако директор школы, остальные учителя, узнав об убийстве, относят его к разряду «нетипичного», спеша защитить заслуженный ими авторитет. А вот начальник Корякина — Пухов, способствовавший его левым заработкам и пьянству, признается, что ожидал — «рано ли поздно что-то стряется... страшенькое»; сознаются в этом, причем без вящих усилий следствия, и дружки-субутыльники, и родственники. А тут еще девятый «А», где учился Коля, единодушно встал на его защиту, подхватил слышанную на уроке фразу: «Убить ради жизни...».

Тщательно выявляя и сопоставляя реакцию на случившееся у людей различных социальных групп, воззрений, духовных уровней и, конечно же, возрастов, автор выстраивает конфликт повести на пересечении многих представляющихся ему ведущими линий общественного и семейного бытия, ищет противоречия и недостатки, которые течение этого бытия нарушают.

Но такая направленность авторской мысли вовсе не исключает и показа с о з и д а т е л ь н о г о начала нашего общества — в той, разумеется, форме, какая органично включается в художественный строй произведения. «Где кипение, там и вина», — говорит Тендряков. А «кипение» борьбы и труда советских людей (будь то прошлые или настоящие) — и в лирических отступлениях, и в воспоминаниях, и в пейзажах, но главное — в точной, наступательно открывающей дурное и низкое, устремленной

к лучшему, к светлomu позиции автора, близких ему героев. Только жаль вот, что немногочисленные философско-публицистические размышления писателем даны как бы походя, вскользь, не развернуты так же впечатляюще и убедительно, как, скажем, символические образы «города» и «ночи» — вроде бы тех, в которых совершилось преступление, и вроде бы не тех: «Город лишь замирал, но не переставал жить уже не наружной, не суетливо-шумной, а потаенной жизнью. Какие-то станки не остановились, раздутые печи не погасли, дежурные краны продолжали ворочаться, крутились роторы электростанций, гнали по проводам электричество, совершалось ежесуточное чудодейство — грязная руда превращалась в чистый металл, мертвый металл в живые машины, сырье становилось продукцией, а время овеществлялось даже тогда, когда большинство жителей засыпало, забывая о неумолимости времени».

Из всех (довольно многочисленных для небольшой повести) действующих лиц ближе всех автору — по гражданскому миропониманию и мироощущению — учитель литературы Аркадий Кириллович Памятнов. Если открыто страстная озбоченность писателя необходимостью решительного устранения из вашей жизни зла, пороков — несомненное достоинство произведения в целом, то центральный образ Аркадия Кирилловича — наибольшая удача.

Учительствующий по глубоко осознанному призванию, решивший стать педагогом после боев под Сталинградом, бывший гвардии капитан Памятнов уверен, что в каждом человеке есть «нерастрченные запасы человечности», и в повседневной педагогической практике стремится вскрывать эти запасы, чтобы от него шли «в большую жизнь духовно красивые люди». Тем нелепее, необыснимее покажется, что у т а к о г о учителя т а к о й ученик. Данный парадокс нужен писателю, чтобы нагляднее заострить проблему, обнажить ее корни, подвести читателя к искомому объективным выводам. Нелегий, но единственно правильный путь к этим выводам — путь Аркадия Кирилловича, который подвергает беспощадному анализу все, что и как делал до сих пор, мучительно пытается отыскать основания собственной вины...

Не в первый раз обращается Тендряков к вопросам жизни Расколы, но, должно быть, именно в «Расплате», опираясь на предшествовавший опыт, ему удалось создать свой самый значительный и полнокровный образ учителя. Памятнов считает непрерывной принадлежностью его профессии обязанность оперировать категориями широкомасштабными, жить и работать в сопряжении с высокими гуманистическими нормами классической литературы, научить этому же учеников. «Историю делают люди. Он, Аркадий Кириллович, рядовой педагог, вносит в историю свой скромный вклад...» — вот его моральный и деловой принцип. Оттого и взволнованный спор Аркадия Кирилловича с самим собой, продолжаясь на

протяжении всей повести и становясь в параллель с изначальной сюжетной коллизией — расследованием отцеубийства, является в немалой степени общим этическим камертоном, берет на себя основную идейную нагрузку.

Итак, в чем же вина учителя Памятнова? Избегая дидактики, автор прямого ответа не дает и этим отчасти противоречит своей же поэтике, которая зиждется на смелом сочетании приемов социологической публицистики со способами отображения внутреннего мира героев, характерными для произведений крупных форм. Кажется, чересчур велика дистанция от благозвучных устремлений учителя, его признанных успехов в воспитании до (пусть единичного, но, увы, состоявшегося) поступка его ученика, чтобы читатель одолел эту дистанцию в непреложном соответствии с авторским замыслом, с его многомерными трактовками. Но автор не спешит расставлять броские ориентиры. Он словно и сам постоянно приближен к душевному состоянию Аркадия Кирилловича, потрясенного и растерянного, еще не разобравшегося толком во всех оттенках разыгравшейся трагедии. Да и образ учителя Тендряков, чувствуется, не хочет снижать или приземлять своевольно. В представлении писателя Памятнов — натура незаурядная, цельная, наделенная способностями, благоговорно сказывающимися на окружающих. И это передано достоверно. Иначе он не оказался бы одним из первых на месте преступления, не стал так самоотреченно участвовать в следствии, не пошел наперекор мнению директора школы и учителей, не усомнился в своей правоте.

И все-таки «кредо» Аркадия Кирилловича страдает недостатком, заставляющим задуматься о многом. Заботясь о воспитании «духовно красивых людей», борющихся с «пеной», подлостью, обманом, он полагал, что люди эти должны сознавать свое «моральное превосходство», что «каждый из его учеников станет запалом, взрывающим вокруг себя лед недоброжелательства и равнодушия, освобождающим нравственные силы».

Суждение столь же знакомое, сколь и опасное. Не этой ли грани памятной педагогике так больно коснулся Коля Корякин? Не потому ли с такой однозначностью одобрил убийство девятой «А»? И не подозрительно ли самоудовлетворенно принимает Памятнов славу о своих достижениях? А его любимым воспитательный метод — «игра» — не инфантильно ли это для стремительно взрослеющих учеников? Да и допустимо ли? Игра в математике, в физике, в военном деле, наконец, — куда ни шло. Но игра с литературой? Что-то сомнительно...

Удели писателю больше внимания этой стороне развиваемых событий, нравственные и гражданские уроки «Расплаты» были бы определеннее и внушительнее. Штрихи такой линии в повести уже есть. Право же, если можно еще понять, отчего Аркадий Кириллович свысока относится к Корякину-старшему, разговаривает с ним грубовато —

к тому есть веские поводы, то его обращение к незадачной матери убитого — «ты», «старая» — коробит. А разве не отдаст высокомерием его ответ отцу влюбленной в Колю Соии Потехиной, обращавшемуся к Памятнову за советом: «За свою жизнь я многим помогу, благодарностей слышал достаточно, а вот... упреки — только от вас?»

Образ Аркадия Кирилловича Памятнова, вбирающий в себя и идеальные помыслы, и реальные жизненные противоречия, дан во внутридуховном борении, в поступательном движении, позволяет отвлечься от конкретно «школьных» вопросов и задуматься над проблемой отношения человека к своей работе, к делу вообще. Здесь автор справедливо видит немало причин, порождающих нравственную недостаточность индивидуальных общественных организмов, пытается обнаружить средства ее удаления. Поведение учителя Памятнова на трудовом для него и для коллектива этапе автор предлагает как модель, он убежден и убеждает читателя, что человек в каких угодно обстоятельствах должен ставить во главу угла суть, предназначение своего дела. Только тогда он нравственно высок и в преодолении ошибок, и в удаче, неуязвим для подлости; к нему тянутся, ему помогают люди.

Эта мысль обосновывается и на примере следователя Сулимова, второго по значению в повести образа. Связанный с линией Памятнова сложными, порой чрезмерно усложненными фабульными перипетиями, он развивается в той же морально-этической плоскости, реализуя, хотя и не без видимой заданности, иллюстративности, существенные пункты авторской программы. Творческое, самоотверженное исполнение служебного долга, стремление и умение вскрывать подоплеку фактов и явлений, увлеченность своей профессией, душевная выскательность — эти свойства родят молодого Сулимова с немолодым Аркадием Кирилловичем, и в данном сопоставлении автор проводит важную для своей художественной позиции идею о неизменной преемственности лучших человеческих качеств в их претворимости в работе, в деятельности. Уже с первых шагов расследования отцеубийства Сулимов сам ощущает некую смутную, но беспокоящую вину, понимая, что и он не меньше, чем учитель, в ответе за то, как сложится дальнейшая судьба доведенного до отчаяния и теперь иступленно раскаивающегося Коли Корякина, какие выводы сделают из происшедшего те, кто так или иначе оказался к ней причастным, как будут жить дальше. Совесть профессиональную писатель возводит к общечеловеческой и в нераздельности их видит первостепенный принцип формирования в человеке чувства ответственности за все, что происходит вокруг.

Напротив — с неразвитостью этого чувства, с нечувствительностью к нравственной природе труда связывает Теудряков истоки общей бездуховности человеческой личности. Как бы ни был талантлив механик Корякин, — не осознав многозависимых

связей собственного существования с жизнью других, он не сможет стать настоящим работником, мастером. Жизнь Корякина старшего рассматривается как драма несостоявшегося человека, не осуществившего своих способностей, не поднявшего их выше технического навыка, спорышки.

Начальник цеха Пухов вот уже много лет, чуть ли не с детства, держит «при себе» талант Корякина, потворствует его пагубным, низменным наклонностям — частью ради сытого благополучия, возможно, из-за своей неравнодушной к Корякину жены, а главное, потому, что и сам себя не нашел, озлился и, не видя выхода из тупика, выискивает якобы нравственные объяснения тому, что делает. Мораль Пухова — эгоистичная, идущая от интересов примитивных. Согласуясь с ней, можно заботиться о деньгах для семьи Корякина, закрывая глаза на творящееся там; удерживать возле себя жену, не задумываясь, хорошо ли ей; или нанять Корякину помощников по выпивке, уже не первых (на сей раз с изысканным прозвищем «Самсон и Далила»), которые пристраиваются к доходному «доктору», врачуящему частные автомобили...

Поначалу эти два персонажа кажутся необязательными, нужными только для колоритного воссоздания гнетущей, разлагающей атмосферы пуховского «производства», где работает, опускаясь и теряя человеческий облик, отец Коли Корякина. Они обрисованы не без помощи фельетонных средств, для стилистики «Расплаты» малоорганичных, и, наверное, почти исчерпывают свою характеристику фразой: «Мы санитары. Если пуховы извергают навоз, то мы им питаемся». Зачем же тогда так часто предоставляется им слово? Почему их линия то и дело вплетается в действие? Автор не из тех, кто делает что-то случайно, без особой надобности...

Чем тщательнее приглядываешься к волевым Самсону и молчаливому Далиле, тем явственнее замечаешь их необходимость для авторской концепции. Избран для повести «ужасный» сюжет, паселив ее немалым числом лиц с чертами отрицательными, с судьбами неудавшимися, Теудряков, преследуя свою позитивную цель, хочет обозначить предел, за которым личные недостатки, пороки человека уже превращаются в зло социальное, зло для других. В ощущении каждого такого предела видится ему избавление общества от преступлений и бед. Для художественной аргументации этой мысли автор делает парадоксальный поворот. Вслед за учителем Памятновым к следователю неожиданно являются эти «алкаши»-горемыки, чтобы сказать: «Все можно залить водкой — смерть родной мамы, любое горе, — но стыд... Один стыд не заливаешь этим снадобьем». И эта истерика — четко продуманный авторский акцент, гневный и сочувственный, подчеркивающий, что вскрыть «нерастроченные запасы человечности» доступно любому, в любой обстановке...

С такой возвышающей человеческую личность точки зрения Коля Корякин — не исключение. «Всем плохим людям не бывает на свете. Я это только сейчас вот понял», — скажет он Сове на свидании в тюрьме, и признание это будет прочувствованным в самых глубинах души, подготовленным всем предыдущим повествованием. Сцены, когда он вспоминает отца в редкие минуты прозрения — то с лесной птичкой князьком, залетевшей к ним в комнату и отпущенной на волю, то с подаренной взамен городской канарейкой, — написаны светло, с трепетной горячностью и твердой верой в неизбежность нравственного очищения и самосовершенствования человека. Тут писатель достигает наивысшей эмоциональной силы, живописной пластичности, отчего семейно-бытовая сфера в повести, не будучи столь насыщена напряженными столкновениями характеров, как сфера школы, работы, оказывается прорисованной не менее емко, впечатляюще и с достаточной мерой социологической точности. Нет-нет, да и угадываемые в контексте отзвуки современных дискуссий на семейные темы уплотняют мыслительную подоснову изображаемого, мыслит его связи с текущей действительностью.

В качестве объекта Тендряков не берет семьи неблагополучные — там, если не все ясно, то многое сразу объяснимо. Семьи Корякиных, Пуховых, Потехиных интересуют его не тем, чем они заняты в несчастье, а тем, чем объединяются. Равнодушные к общенародной жизни, пассивные, созерцательное видение того, что находится вне самоличного, собственнического, духовной инертность, взаимоотноужденность — именно это извращает суть подобных семей как первичных подразделений нашего общества, ведет их в конце концов к моральному упадку и распаду. Раскаяние оказывается нередко слишком поздним, трагичным. Вот почему обостренно, самобичующе переживают вину за отцеубийство и мать Рафаила Корякина, и его жена Анна, и ее подруга Людмила Пухова. Одна — оттого, что растила нелюбимым, другая — что жила с нелюбимым, третья — что любимого отдала...

Умение Тендрякова уже в самой постановке проблемы нацупывать, намечать пути ее разрешения позволяет ему свободно обращаться с избираемой фактурой, лепить образы вполне индивидуализированные, однако и не очень удаленные от зримого движения авторской мысли. Из-за этой особенности писательской манеры ткань повествования выглядит на первый взгляд неровной, клочковатой, организованной фрагментарно. И верно: колючие, взрывные диалоги смеяются философскими рассуждениями, лирические пейзажи — пронзительными монологами, пространственные бытовые зарисовки — лаконичными публицистическими записями. Переходы между ними неожиданны, иногда по видимости отсутствуют вовсе, но несообразность эта не искусственная, она идет от внутреннего замысла вещи, от своеобразности ее сюжета.

Неравные по объему и способам письма художественные периоды, сосуществуя вместе, воспринимаются постепенно как стилизованное свойство, придают повествованию беспокойный, нервический ритм. Как бы вырабатывая дополнительную энергию, питающую образную систему произведения, ритм этот, с одной стороны, компенсирует внешнюю малодинамичность композиционного развития, а с другой — сосредоточивает внимание читателя на моментах, особенно важных для понимания всей концепции автора, пафос которой — в утверждении «чувства ответственности за других», этого главенствующего показателя социально-общественной и духовной зрелости человеческой личности.

Большинство людей, выведенных в «Расплате», мы наблюдаем в одно и то же время, в почти одинаковом состоянии: не ежедневном, возбужденном, когда вызревание у них этого чувства волею внезапных и горько обжигающих обстоятельств резко убыстряется, выходит на передний план. Даже самый равнодушный или циничный уже не скажет, как некогда Колин отец: «Мое дело накормить и обуть. Голодным мой сын не сидит, нагим не ходит. А воспитывать там — ваша забота. Вам за это держава деньги платит».

Единообразный подход к анализу образов героев, принадлежащих к различным социальным группам, дает возможность проследить процесс образования и становления ответственности «за других» в его всеобщем выражении и значении. Но при этом нельзя не отметить и некоторой одномерности ряда образов, скажем, матери Корякина-старшего или его жены, которые, скорее, олицетворяют те или иные умонастроения, чем их раскрывают. Весьма однолико представлены и коллеги Памятнова, учителя. Слишком уж скоро уверовали они в правомерность того, что «преступление Николая Корякина ни прямо, ни косвенно со школой не связано», и никто, буквально никто не удосуживается задуматься, почему настолько терзается Аркадий Кириллович...

Но издержки эти не очень значительны в сравнении с обретениями автора. В многослойном показе зорко подмеченных тенденций сегодняшней жизни, в воплощении присущих ей, из нее взятых образов, в противостоянии и сближении взглядов, мнений писателю удалось передать ясное ощущение не е и з б е ж н о с т и коллективной взаимответственности людей, слагающейся и состоящей из личной ответственности каждого за свои дела, за мысли и поступки тех, с кем связан судьбой.

Добившись настойчиво преследуемого и столь немаловажного смыслового эффекта, Тендряков не побоялся в финале повести оставить нас наедине с многочисленными вопросами, им поставленными, оборвав ее как бы на полуслове, не доведя дело до суда, не назвав всех виновников случившегося. Он положительно настаивает (и нам ничего не остается, как с ним согласиться), что ответы на эти вопросы — в нас

самих, в нашем понимании своей работы, своей школы, своей семьи, в том, как встречаем мы и встретим еще горе и разочарования, как будем идти к радостям и надеждам. При всей абстрактности предположенного исхода, а следовательно, и вероятности разноречивого толкования его, кажется естественным, ненавязчивым и посему более воздействующим то, что автор, поведав нам печальную историю, излив гнев и боль, исчерпав ярость, вдруг изменяет голос и с уверенностью говорит лишь то, в чем сам как в истине уверен; не резонерствует, не поучает, а лишь указывает направление, в котором следовало бы развиваться размышлениям и настроениям читателя.

«Ищите пути друг к другу», — подытоживает Аркадий Кириллович Памятнов, и мы воспринимаем скромный результат его глобальных смятений сокровеннее, чем рационалистично обоснованные словопрения оппонентов. А поняв и приняв этот результат, мы уже начинаем верить, что, если руководствоваться авторской логикой до конца, то на суде над Колей Корякиным так примерно и будет, как предсказывает следователь Сулимов: «Свидетели станут брать на себя вину за преступление, защитник окажется в положении обвинителя, а обвинению ничего не останется как только взять на себя роль защиты...».

Среди многих противоречивых явлений, увиденных писателем в действительности и препарированных в «Расплате» соразмерно его творческим задачам, нарисованная подобным образом картина суда несколько утрирована, но от этого ничуть не менее состоятельна по существу. Свойственное

произведению соединение умозрительной рассчитанности композиционного строя с проникновением в психологию героев предстает здесь в предельно концентрированном виде. Поступки героев после убийства, их беспощадные по отношению к себе признания, тягостные раздумья требовали сюжетного продолжения, подведения итогов, и автор подводит черту на той этической и душевной высоте, на которой даже малейшее или далеко опосредованное чувство сопричастности преступлению вырастает до размеров реального вины.

Трудно, но неуклонно идет к этой высоте учитель Памятнов, вовлекая в стихию своего морально-нравственного максимализма Сулимова, Соню Потехину, многих других. Все отчетливее улавливает он тончайшие несоответствия между возвышенно сформулированными идеалами и в чем-то схоластическими, надуманными методами их воплощения, не выдерживающими проверки в буднях жизни. Мужественно, а то и ожесточенно ищет он первопричину обозначенных несоответствий в несовершенствах тех конкретных людских отношений, одной из сторон которых является он сам, Памятнов, человек и воспитатель. В борьбе с собственными ошибками и слабостями он искреняюще искренен перед совестью своей и совестью других, неотступен в следовании гражданским принципам, в беззаветном и сострадательном желании духовного обновления мира и людей, их счастья нынче и в будущем.

В этом правда цели и характера героя.

В этом правда нашей жизни.

Об этом в итоге и повесть...